

81.63(2Рос-6X)

М-34

8/х

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПОСВЯЩЕННОЙ
280-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ

81.63(2Рсс-6х)

М - 34

МАТЕРИАЛЫ

**Международной научно-практической
конференции, посвященной
280-летию открытия древнетюркской
письменности**

Национальная
библиотека
им. Н.Г. Дзержакова
Республики Хакасия

**Абакан
2002**

ИТОГИ 280-ЛЕТНЕГО ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

И.Л. Кызласов

**Глубокоуважаемые Председатели – Правительства и Верховного
Совета Республики Хакасия; организаторы, участники
и гости конференции!**

280 лет назад европейская наука, впервые вступив на земли хакасов, лишь за три года до этого присоединённые к России, сделала удивительное открытие. Она встретила в глубинах Сибири то, что менее всего готова была там встретить. В августе 1721 г. в долине хакасской речки Уйбат она получила возможность понять, что пришла не на дикие и неосвоенные, как думалось, земли, а в страну древней цивилизации. И, поскольку были открыты памятники монументальной письменности, – в страну высокой цивилизации. Сегодня нам известны памятники енисейского письма, непрерывно создававшиеся по крайней мере в течение 6-7 веков – с VIII и по конец XIII-начало XV вв.

Целое столетие после открытия Д.Г. Мессершмидта учёный мир знал и пытался постичь загадочные древние письмена только на землях Хакасии. Лишь в 1818 г., благодаря Г.И. Спасскому, стало известно о существовании таких же надписей на скалах по р. Чарышу на Алтае. Через 158 лет после отмечаемой нами сегодня даты, в 1879 г., Г.Н. Потанин обнаружил первый памятник руноподобного письма в Туве. И лишь еще 10 лет спустя, в 1889 г., в результате сделанных Н.М. Ядринцевым в Монголии находок, научный поиск вышел за пределы Саяно-Алтайского нагорья.

Поскольку на протяжении XVIII и XIX веков – веков рождения и становления европейской науки – исследования древних сибирских письмен проходили в долинах Енисея, эта письменность и получила название енисейского рунического письма.

---

* Статья подготовлена на основании доклада автора, сделанного в Абакане 20 сентября 2001 г.

Нет необходимости излагать здесь историю открытия и изучения памятников этой письменности, так как основные вехи этих процессов неоднократно изложены в специальных статьях и разделах нескольких книг. Однако следует сказать, что *рунической* письменность была названа поначалу за казавшееся сходство с европейскими германскими рунами. Сходство не подтвердилось, название же прижилось в науке, хотя условность его ясна для учёных. Утверждению наименования *енисейское* во многом способствовала сводная публикация надписей, изученных в Хакасии и Туве экспедицией проф. Хельсингфорского университета И.Р. Аспелина, изданная в 1889 г. под названием «Inscriptions de l'Énisséï...», то есть «Надписи Енисея» или «Енисейские надписи». После издания в 1892 г. второго альбома «Inscriptions de l'Orkhon...», посвященного надписям Монголии, распространилось название *орхонские* надписи. Вслед за этим азиатские рунические письмена нередко стали обобщённо именовать *орхоно-енисейской письменностью*. Географические определения в названиях были введены потому, что наука в течение долгих 172 лет (на протяжении 6 поколений!) не в силах была узнать, какие народы и на каких языках оставили нам эти камнеписные тексты.

Счастливая находка Н.М. Ядринцевым двух крупных высеченных на стелах надписей, созданных одновременно руническими письменами и китайскими иероглифами, дала науке возможность определить тюркоязычность загадочных письмен. В 1890, а затем и 1891 г., эти стелы были изучены и скопированы финской и русской экспедициями, а изданные в 1892 г. их точные воспроизведения позволили датскому профессору В. Томсену уже к концу 1893 г. раскрыть тайну столь долго молчавших написаний. Узнав значения букв, также много сделавший для их дешифровки В.В. Радлов сумел в течение 2 месяцев прочесть один из этих огромных текстов, насчитывавший более 4 тысяч знаков (ныне всемирно знаменитый, он оказался посвященным тюркскому витязю Кюль-тегину). Через 2 года, в 1895 г., российский академик предоставил науке прочтения и переводы всех древнетюркских рунических надписей, известных к тому времени. Так победоносно закончился для нашей отрасли науки XIX век.

Подлинники рунических надписей находятся в основном в трёх странах мира: в России (Саяно-Алтай), Монголии и Китае (провинция Синьцзян). Вклад в их исследования, основанный на изучении оригиналов, более всего вносило и вносит российское востоковедение. Как мы знаем, В.В. Радлов был учителем первого хакасского учёного Н.Ф. Катанова. Исследование рунических надписей в нашей стране продолжил ученик Н.Ф. Катанова – С.Е. Малов. Второй хакасский профессор Л.Р. Кызласов в 1955-1960 гг. не только впервые сумел определить время создания енисейских надписей в целом, но и каждой из них в отдельности, создал учение о связанных с текстами тамгах. Воздавая дань уважения первооткрывателям, можно сказать, что Д.Г. Мессершмидт открыл енисейские надписи миру, Н.М. Ядринцев создал условия для их дешифровки, В. Томсен определил буквы и язык письма, В.В. Радлов постиг содержание текстов, С.Е. Малов создал школу советских руноведов-филологов, а Л.Р. Кызласов заложил верное историческое понимание древних енисейских текстов и основы рунической палеографии.

XX в. начался для рунологии с новых крупных открытий. Однако они относятся не к величественным каменным стелам и потому долго не привлекали должного внимания исследователей. Речь идёт об обнаружении в 1905 и 1908 гг. экспедициями А. фон Лекока и Отани Сёсин в руинах долины р. Тойок (Турфанский оазис Восточного Туркестана) двух малых обрывков бумаги. Чудом сохранившиеся в веках, они содержали записи рунической азбуки, оставленные тысячелетие назад обучающимися ей людьми. О подлинном значении этих рукописей следует сказать далее – здесь важно назвать главные особенности в исследовании рунических памятников, отличающие только что завершившееся XX столетие.

Благодаря превращению археологии из элитарной сферы изучения античных древностей в массовую науку, реализующую право всех народов на познание своей истории, трудами археологов и краеведов в Сибири и Монголии были обнаружены и изучены многие новые рунические надписи. Если Д.Г. Мессершмидту были известны 3 енисейские надписи, В.В. Радлову – 45, то к началу 1980-х годов в бассейне Енисея было учтено 135 письменных памятников.

Ныне по Южной Сибири надписей, выполненных енисейским руническим письмом, известно уже около 300. В Монголии открыты новые величественные стелы с орхонскими письменами (прежде всего относящиеся к Уйгурскому каганату, от середины VIII до середины IX в., опубликованные С. Г. Кляшторным) и многие наскальные надписи того же енисейского письма. Установлено былое распространение енисейской письменности от Иртыша в Казахстане до Лены в Восточной Сибири.

Продолжена, заложенная В.В. Радловым, отечественная традиция изучения филологами подлинников рунических надписей на месте их обнаружения или в музейных коллекциях (С.Е. Малов, А.М. Щербак, Д.М. Насилов, И.А. Батманов, А.С. Аманжолов, И.В. Кормушин). Задача специального собирания памятников рунического письма и их сохранения, в XIX в. разрешаемая более всего усилиями Минусинского музея, ныне достойно продолжена иными сибирскими музеями (прежде всего – Кызыльским).

Специальные издания, представляющие все типы известных письменных памятников или сборники надписей, выполненных одной системой рунического письма (книги С.Е. Малова 1951, 1952 и 1959 гг.), сменились сначала попыткой создать своды надписей, построенные по географическому принципу (том, посвященный бассейну Енисея, выпущен Д.Д. Васильевым в 1983 г.), а затем работами, группирующими надписи по жанрам в пределах определенной рунической письменности (книга И.В. Кормушина об енисейских эпитафиях, 1997 г.; Хакасской экспедицией собран материал для сводов надписей на предметах и на скалах всех территорий Саяно-Алтая).

Однако в сопоставительном плане вся эта многотрудная и весьма успешная работа лишь в размерах отличается, а по сути своей и подходам вполне сравнима с собирательской рунологической деятельностью XIX века. Главные достижения, которые способны обеспечить очередной прорыв к новому знанию, приходится, на мой взгляд, как и в прошлом, на последнее десятилетие минувшего века.

Лишь в последние десять лет до конца осозналось, что *тюркская рунология* – это не филология. Это особая отрасль науки, более всего принадлежащая эпиграфике (изучающей надписи на твёрдых материалах), в меньшей степени – к археографии (исследующей рукописи). У этой науки, которую точно следовало бы именовать *рунической эпиграфикой*, свой предмет изучения. И это не письменный язык, не словесный текст, а сама надпись, ее облик: от техники нанесения и формы знаков до места и особенностей размещения. У этой науки и свои методы исследования. Они прежде всего направлены на достоверное, точное восприятие и воспроизведение старинных текстов, измененных воздействием времени и людей. Эти методы совершенно незнакомы языковедам, а более присущи археологам, в особенности тем, кто изучает древние изображения. Такая работа требует умения на камне или металле, терракоте или штукатурке, кости или дереве отличать намеренные рукотворные борозды и углубления от естественных и случайных повреждений, равно как и не смешивать первоначальныерезы или выбоины с более поздними, не относящимися к самой надписи.

Филологи получают для исследования лишь результат работы эпиграфиста, поэтому руническая эпиграфика – это вспомогательная дисциплина. Но только она в состоянии предоставить языковедам твёрдую почву для исследований. Для того, чтобы ясно показать расхождения тюркской рунологии и тюркского языкознания, перечислю основные этапы исследования древнего письменного памятника.

Начну с того, что филологи сами не добывают рунические источники, надписи отыскивает археолог или краевед. Минуя этот этап (также требующий специальных знаний и навыков), тюркологи в результате не только оставляют вне внимания, а, значит, и вне науки, надписи, сохранившиеся на месте создания (на скалах, курганах и стенах, а число этих надписей огромно, их – большинство), но и, приходя в музеи или пользуясь готовыми копиями, при чтении текста сплошь и рядом вообще не учитывают условий его первоначального расположения. Не подозревая даже, что это закономерно влечет за собою неверное прочтение или толкование. История изучения

рунических памятников знает курьезные примеры прочтения крупными учеными, например, вырезанных на скале строк в качестве надмогильной надписи («эпитафия на скале, около д. Сулек», Е 39, 1952 г.) или средневековой надписи на камне ограды кургана раннего железного века как надгробного текста (Усть-Сос, Е 134, 1997 г.).

Специальные поисковые работы, проведённые Хакасской археологической экспедицией в 1994-2001 гг. в Хакасии, на Алтае и в Туве, позволили впервые отметить весьма важное обстоятельство – различие условий, в которых наносились на скалы енисейские рунические надписи Южной Сибири. В этом Тува оказалась подобна Хакасии, а Алтай – отличен от них. Монголия же знает оба типа размещения надписей: один из них аналогичен Алтаю, другой – Хакасии. За этим стоят различия или сходства в мировоззрении средневекового населения. Этого нельзя не учитывать, занимаясь прочтением камнеписных текстов.

Продолжая тему, следует сказать, что для археолога и эпиграфиста немислимо отторжение текста от назначения изделия, наделённого надписью (что нередко происходит у филолога: возьмём существующие прочтения надписей на монетах и сосудах — например, Копёнский чаатас, Е 81 и Е 82, 1963 г.). Недопустимо и игнорирование иных обязательных компонентов письменного памятника (скажем, фамильно-личных гербовых знаков-тамг, отличавших аристократов-мужчин – совершенно невероятно поэтому прочтение тюркологом нескольких наделённых тамгами енисейских эпитафий как женских: Барык II, Е 6 и Чаа-Холь VIII, Е 20, 1986, 1997 гг.) и т.п.

Существование уже на первом исследовательском этапе таких серьёзных расхождений – самой ситуации, когда филолог может даже не обратить внимания на то, что никак не может обойти в работе археолог и эпиграфист – указывает на присущие им различные сферы научной деятельности.

Второй этап в исследовании письменного памятника полностью принадлежит к области эпиграфики. Это то самое установление первоначального, достоверного облика надписи, ее буквенного состава, о котором уже шла речь. Огрехи на этой стадии изучения и копирования текста, нередко допускаемые людьми, не знакомыми с назван-

ными выше процедурами, – наиболее частая причина неверного прочтения древних надписей. Повторюсь: филология не готовит исследователей к этой важнейшей процедуре в постижении письменного памятника. Не раз приходилось наблюдать искреннее удивление, даже растерянность специалистов-тюркологов, впервые увидавших подлинные камнеписные енисейские тексты, а до этого знавшие о них лишь по рисункам и публикациям: «Как же можно здесь что-нибудь разглядеть?» Для этого недостаточно только стремления к точности и одного трудолюбия. Опыт показывает, что человек начинает вполне квалифицированно копировать наскальные рисунки и древние надписи примерно через три года работы с ними.

Можно даже сказать, что у тюркской филологии, занимающейся руническими надписями, и у собственно рунологии – разные источники исследования. Вопреки внимательному XIX веку, до дешифровки и сразу после неё тщательно собиравшему все встречаемые учеными рунические надписи, языковеды XX в. отошли от традиции В.В. Радлова и сосредоточили своё внимание прежде всего на текстах орхонских эпитафий. Даже надгробные енисейские стелы привлекали значительно меньше внимания. И уж совершенно в тени «царских» стел Монголии остались краткие начертания, некогда нанесённые на скалы, отдельные камни и предметы. Такую ситуацию легко понять – разбирать малые тексты особенно трудно, а языковый материал в них совсем невелик: с точки зрения филолога этот труд не оправдан. Зато археолог и эпиграфист никак не могут оставить вне внимания даже отдельно начертанный письменный знак – сфера их исследований покрывает все области бытования письменности в древних обществах.

Закономерно, что именно в эпиграфике была впервые произведена систематизация рунических надписей по содержанию. Этим были очерчены допустимые пределы смысла тех или иных групп письменных памятников, что в свою очередь заметно облегчило понимание и прочтение кратких текстов.

Эпиграфика – наука историко-филологическая. В ней, как мы видели, совершенно необходимо сочетать навыки археолога (и, шире говоря, историка культуры), основы филологических знаний, без

которых немыслимо прочтение текста, а также ясные и детальные представления в области местной истории. В последнее десятилетие стало особенно видно: без знания истории общества и без умения определить этнокультурную и государственную принадлежность древнего памятника – не достичь успеха в его прочтении и филологическом анализе.

2

К концу XX века стало совершенно ясно и то, что *палеография* рунических памятников – область занятий не филологов, а все тех же эпиграфистов.

Справедливость этих слов доказывается результатами эпиграфической проверки давнего и основополагающего утверждения филологической литературы в отношении палеографии рунических надписей и рунических знаков. Из работы в работу переходила мысль о том, что они были некогда изобретены специально для резьбы и высекания. Казалось бы, здесь всё верно: подавляющее большинство известных рунических надписей, действительно, нанесены на камни, скалы и металлические изделия. Однако этот миф науки был развенчан эпиграфическим анализом. Выяснилось, что и выбитые, и резные надписи часто содержат элементы скорописных написаний, т.е. их создатели в быту привыкли пользоваться обычными писчими красителями (чернилами или тушью), мягкими и гладкими писчими материалами (пергаменом, бумагой или табличкой), по которым скользило тростниковое перо или кисточка. Эти их писания не уцелели, а камнеписные строки, которые они создавали по требованию местных обрядов, сохранились до наших дней. Впрочем, в Хакасии и Монголии кое-где на скалах отыскивались и рунические надписи, нанесённые чёрной и красной тушью, а в древнехакасских курганах IX-XII вв. встречены маленькие перочинные ножички и чернильница – обыденные принадлежности писарей.

Непредвзятый разбор эпиграфиста показал, что среди рунических знаков, составлявших как енисейский, так и орхонский алфавиты, много таких, чей облик никак не подходит к технике резьбы и мог сложиться только в условиях обычного скользящего написания. Ру-

ническая азбука изначально не предназначалась для начертания и вырезания.

Другое существеннейшее обстоятельство, вводимое в рунологию палеографией конца XX в., касается самих рунических алфавитов. Языковеды-тюркологи по традиции излишне обобщённо воспринимают весь, теперь уже крупный, массив азиатских рунических надписей. Однако филологи не могли и не смогут получить ясной лингвистической картины прошлого без точного следования палеографическому членению этих письмен.

Без учёта сего важнейшего обстоятельства невозможна разработка истории рунического письма, неразрешима и проблема его происхождения. Вышедшая в свет нынешним летом книга крупнейшего тюрколога России А.М. Щербака, фактически подводящая итоги научным поискам, проводившимся в XIX и XX вв. при традиционном подходе к проблеме, одновременно с предельно возможной ясностью показала, какие узы накладывает этот метод даже на самые светлые и эрудированные умы. Признать руническую письменность тюркских народов тайнописью, лишь деградировавшей со временем, значит, отказаться от постижения её истинной первоначальной природы и уйти от объяснения непонятных особенностей.

В своё время В. Томсен, закончив дешифровку орхонских рун, жалел о том, что он не В.В. Радлов, который был крупнейшим знатоком не только живых тюркских языков, но и всего многообразия енисейских рунических памятников. Ограничивать сегодня решение главных рунологических проблем анализом лишь орхонских «царских» надписей, оставляя в стороне целый мир енисейских текстов, можно, лишь не до конца ощутив всех тех источниковедческих ограничений, о которых печалился на заре нашей науки В. Томсен.

Палеография не есть только изучение видоизменения буквенных знаков со временем, как иногда полагают. Она занимается и происхождением письмен, и определением и изменением их состава, и распространением в пространстве и по эпохам, исследованием материалов и орудий письма, письменных школ, письменной культурой в целом. И во всех этих областях руническая палеография к концу XX в. достигла особенно серьезных результатов.

В конце XIX в., в 1895 г., в результате систематизации письменных знаков В.В. Радлов показал, что в раннем средневековье существовало два родственных, но самостоятельных рунических алфавита: енисейский и орхонский. В XX в. к ним сначала добавился третий (таласский – 1929 г., С.Е. Малов), а затем, в результате классификации написаний всей Евразии, было обосновано бытование 7-8 отдельных рунических азбук (1987 г., И.Л. Кызласов). Три из них – енисейская, орхонская и таласская – происходят от одного корня, а 4-5 других (применявшиеся в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири) имели совершенно другие истоки. Утверждение о былом существовании единой орхоно-енисейской письменности отныне принадлежит прошлому науке.

Строгое разграничение алфавитов имеет значение не для одной рунической палеографии, но и позволяет особенно ясно понять, что Южная Сибирь и Монголия были разделены на два культурных мира, так сказать – орхонский и енисейский. Составление академических сводов, группирующих надписи не по районам обнаружения, а по алфавитной принадлежности (и внутри каждого расчленяющих их по вариантам, изводам письма), создаст новые условия для филологического и исторического постижения раннесредневековых культурных реалий Южной Сибири и Монголии. В этом заключена одна из важных рунологических задач наступившего XXI века. Дело за изложением основ двух родственных рунологических дисциплин: енисейской палеографии и орхонской палеографии, размещаемых соответственно в рамках енисейской и орхонской эпиграфики.

Пристальный палеографический взгляд на интересующие нас енисейские надписи выявил три местные особенности письма. Сегодня возможно, даже без прочтения самого текста, по одному облику составляющих его букв, сразу определить, кто был автором надписи – средневековый, условно говоря, «алтаец», «тувинец» или «хакас».

Для филолога, объединившего тексты с такими особенностями, впервые создаются условия сквозь письмена отыскать особенности отдельных языков раннесредневековых народов – алтайских тюрков, тувинских чиков, древних хакасов – и тем самым прояснить историю современных национальных языков тюркской семьи. Для историка

такое определение проясняет живую картину движения образованных людей: начертания позволили, например, узнать о пребывании в IX-X вв. средневековых хакасов в Туве, в Монголии и Восточном Туркестане, о проживании в то же время алтайских тюрков не только на Горном Алтае, но и в Северо-Западной Монголии и т.п. Благодаря постижению внешних особенностей другого, орхонского, алфавита, эпиграфические данные стали недавно доказательствами пребывания в 60-е гг. VIII в. древних уйгуров в Хакасии и на Горном Алтае.

Внимание к палеографическим особенностям позволило установить не этническую, а государственную принадлежность как енисейского, так и орхонского письма. Первым официально пользовались только Древнехакасское государство и зависимые от него земли, вторым – только Второй Восточнотюркский и Уйгурский каганаты и некоторые их потомки. Расширяя эти наблюдения можно думать, что таласская письменность применялась в государстве карлуков, а четвертое руническое (верхнеенисейское) письмо, сохранявшееся чиками и черты которого замечены наукой совсем недавно, осталось в Тувинской котловине от какой-то более ранней державы.

Так или иначе, но достаточно хорошо разбираться в формах рунических знаков, чтобы при внимательном взгляде на любую надпись, не читая ее, установить, к какому раннесредневековому государству принадлежал оставивший её грамотей.

Другая возможность постижения письменных памятников, замеченная эпиграфистом в конце XX в. – это строгое соблюдение направления письма и размещения личных тамговых знаков на памятных надписях. Эпитафии, выполненные енисейскими руническими знаками, всегда имеют тамгу внизу, у основания камня и строки скорбного текста всегда направлены снизу вверх. Противоположно размещение тамг и строк на орхонских стелах: тамга – у вершины камня и ряды букв направлены сверху вниз. Вновь перед нами государственные правила оформления официальных надписей. Писанным камням внутри страны придавался тот или иной вид, не смотря на национальность умершего – первый канон применялся в Древне-

хакасском государстве, второй – во Втором Восточнотюркском и Уйгурском каганатах.

Таким образом, вновь достаточно уяснить размещение тамг и текстов, чтобы до прочтения самой надписи безошибочно определить, в канонах какой страны создан письменный памятник.

И вновь чики Верхнего Енисея оказываются в этом отношении народом с особыми правилами. До подчинения кыргызам Древнехакасского государства, на их надгробных стелах (Уюк-Аржан, Е2 и Эль-Бажи, Е 68/1) строки писались не вверх, и не вниз, а поперёк камня. И тамга ставилась ниже горизонтальных строк.

Внимание к этим эпиграфическим особенностям чикских эпитафий (впервые выделенным Л.Р. Кызласовым в 1960 г. по своеобразным чертам погребального обряда и формам тамговых знаков, а в 1994 г. увязанных с применением особых рунических букв) в 1998 г. привело к одному из важнейших открытий в рунологии XX в. Оказалось, что горизонтально размещённые на камне строки писались не от верхней к нижней, как читалось всеми тюркологами в силу общей привычки, а от нижней к верхней. Вслед за этим уже не сложно было заметить, что и половина енисейских надмогильных текстов (если расположить их строки горизонтально) читаются тем же странным для нас образом. Строки всех орхонских памятных надписей, кроме одной стелы Тоньюкука, также оказались нанесены подобной восходящей лесенкой (в своё время, после дешифровки рун, у В.В. Радлова и В. Томсена при осмыслении надписи в честь Кюль-тегина вышел спор о таком порядке прочтения, но ему не придали значения).

Как же объяснить это впервые замеченное необычное явление? По моему мнению, доступные ныне материалы содержат две подсказки для разгадки. Во-первых, написание текста от нижней строки к высшей свойственна только поминальным надписям-эпитафиям. Важно, что такая манера расположения текста не встречается среди других видов памятников енисейского или орхонского письма: многострочные наскальные надписи или рукописи на бумаге читаются вполне обычным образом. Историкам культуры хорошо известно, что погребальная и поминальная практика – наиболее сакрализованная и оттого самая устойчивая, консервативная область обрядовой

жизни человечества. В ней всегда (и сегодня) сохраняются древнейшие черты и действия, первоначальный смысл которых уже не понятен или иначе воспринимается людьми. Следовательно, письмо восходящей лесенкой – очень архаичная черта рунических памятников, уже к VIII в. изжитая в иных сферах письменной культуры предков, и ее объяснение следует искать в гораздо более ранних эпохах.

Во-вторых, способ размещения текста восходящей лесенкой оказался единым для всех алфавитов азиатской рунической письменности: и енисейского (с его тувинским вариантом, сохранившем следы древней верхнеенисейской азбуки), и орхонского. Следовательно, эта манера письма составляет их общее наследие – она отличала тот ранний общий алфавит, который послужил основой для формирования и енисейских, и орхонских письмен.

Оба рода наблюдений приводят нас к одному выводу: эпитафийные рунические памятники Южной Сибири и Монголии – не самые древние памятники рунического письма. Они сохранили более древний тип размещения текстов (восходящей лесенкой), с которым был связан их общий предок – сама неведомая нам сегодня проторуническая письменность Азии. Наука пока не знает текстов, выполненных этим древнейшим письмом, но свидетельства его существования нам отныне известны! Проблему происхождения рунической письменности больше нельзя уже решать, анализируя только формы самих составляющих её буквенных знаков. Ученый, который отыщет страну древнего мира, знавшую письмо от нижней строки к верхней, этим укажет нам и на район формирования проторунического письма.

Уйдя в столь загадочные глубины истории культуры, позволю себе лишь в виде краткого отступления заметить здесь, что установленное написание эпитафийных текстов от нижней строки к верхней в очень большой степени, естественно, меняет прочтение, контекст и конкретный смысл этих надписей, предложенные филологами, всегда читавшими их в привычном нам порядке, обратном реальному древнему написанию.

Руническая палеография, занимаясь рассмотрением облика памятников енисейской письменности, обратила внимание и на другие внешние особенности стел с надписями. Выяснилось, что размеще-

ние текста на камне воспроизводит тот черновик, которым пользовался каменотес, высекая или вырезая эпитафийную надпись. Во всех прослеженных случаях такие черновики-протографы оказались нанесены на деревянные стержни, планки или таблички.

Классические енисейские стелы, выполненные по древнехакасскому канону, никогда не бывают исписанными с одной стороны: текст, даже очень краткий, всегда занимает две, три или все четыре грани камня. Протографами этих эпитафий служили надписи, нанесенные писцами на четырёхгранные деревянные стержни. Енисейские же эпитафии чикского канона занимают только одну сторону камня, даже если количество их строк превышает два десятка – черновик текста в этом случае писался на одной поверхности связанных шнурами деревянных планок, сворачивавшихся как маленькая циновка и т.д.

Так были умозрительно восстановлены, неизвестные нам в реальных археологических находках, шесть возможных форм древнейших письменных документов и книг тюркских народов. Они оказались очень архаичными и, судя по всему, их глубоко реликтовые формы вновь использовались столь долго только в культовых целях – для написания образцов сакральных поминальных текстов, затем воплощавшихся в камень. Записи иного назначения велись на бумаге, пергаменте и прочих обычных для средневековья писчих материалах.

Среди форм реликтовых письменных документов, словно отпечатавшихся на каменных стелах, обнаружили и те, которые были связаны с заинтересовавшим нас письмом восходящей лесенкой. Очень вероятно, что манера такого размещения текста возникла при письме на узкой деревянной дощечке, вмещавшей только одну строчку букв. Затем эти дощечки низались на шнурки или ремешки и первая оказывалась нижней, вторая ложилась выше неё и т.п. Подобные составные документы известны в истории письменности – это архивы учётных записей древних храмовых хозяйств, существовавших на Востоке в бронзовом веке.

Настало время вспомнить о двух упомянутых клочках бумаги, найденных в долине речки Тойок в начале XX в. и содержащих записи рунических алфавитов. Первый фрагмент, изданный ещё в 1909 г.,

привлѣк внимание тем, что под каждым руническим знаком было иным, манихейским сирийским, письмом подписано название или звуковое значение буквы. Манускрипт главным образом использовался филологами для подтверждения правильности прочтения тех или иных рун. Второй фрагмент был впервые издан в 1961 г. Он содержит три учебных попытки записать рунический алфавит. В 1990 г. сравнение этих двух фрагментов показало существование строгого порядка в расположении знаков в азбучном ряду рун. Этого и следовало ожидать, поскольку нет письменностей, не имеющих устойчивого размещения составляющих их знаков в алфавитном ряду. Мимо внимания филолога, однако, прошло другое обстоятельство, превращающее находку двух этих рукописных фрагментов в нерядовое событие рунологии.

Необходимо осознать, что благодаря им наука впервые получила возможность увидеть руническую азбуку не такой, какой её сегодня реконструируем мы по сохранившимся текстам, а такой, какой её знали сами писцы средневековья. Различия – кардинальные.

В истинной рунической азбуке существовал совершенно самобытный порядок размещения знаков, ничем не похожий на тот, который невольно создаем мы (приравнивая руны к нашему алфавиту: «а» писалось так-то, «б» — так-то и т.п.). Запечатленный в рукописях порядок непохож на систему записи букв ни одной из известных письменностей мира. Для палеографа этот факт означает, что руническое письмо не было заимствовано ни от одной из известных сегодня систем письма. Ибо при заимствовании в новой азбуке обязательно сохраняется порядок букв алфавита-предшественника. Даже если число букв меняется и вводятся новые. Сравним: а-б-в-г..., а-б-г..., α-β-γ... и т.д.

Рукописные рунические азбуки кладут конец гипотезам о происхождении письменности тюркских народов от сознательно переланного согдийского или иного письма арамейского корня ещё и потому, что в обоих тойокских манускриптах зафиксирован и совершенно нигде более не встречаемый способ группировки букв по две, отделяя их особыми словоразделительными отметками.

В последнее десятилетие XIX в. В. Томсен и В.В. Радлов сумели разгадать тайну рунического письма, не пойдя, как все их предшественники, путём подбора внешних соответствий составляющим его знакам, а постигая изнутри особенности построения его текстов. Ровно сто лет спустя, в последнее десятилетие XX в. палеография впервые получила подобную возможность не со стороны, а изнутри изучить строй рунической азбуки предков. Два важнейших отличия от принятых наукой установок, немедленно выяснившихся при этом, уже названы мною. Следующая непредвиденная черта – значительно большее, чем считалось, число самих составляющих алфавит знаков: около 48 вместо 38. Среди них оказались буквы, весьма редко встречаемые в текстах, т.е. уже фактически вышедшие из употребления к VIII в. Иными словами, подлинная руническая азбука, ставшая известной благодаря двум раннесредневековым рукописным фрагментам, содержит в себе важнейшие сведения по собственной истории и происхождению. Наиболее вероятно западноазиатская природа этого письма.

Уже первый анализ этих данных показал, что древнетюркским азиатским рунам напрасно отказывалось в длительном развитии – в азбуке отразилось несколько этапов эволюции этой системы письма. Наиболее ранним из них была стадия слоговой (силлабической), а не алфавитной записи речи, которая была пройдена в Западной Азии в бронзовом веке. Удалось не только выявить ряд знаков, свойственных проторунической слоговой письменности, но и показать, что её развитие плавно вело к победе алфавитного принципа письма: число применявшихся слоговых знаков постепенно сокращалось. Явные следы этого до конца так и не завершившегося процесса различимы в известных сегодня самых поздних памятниках этой письменности – енисейских и орхонских надписях Южной Сибири и Монголии.

Сказанного достаточно, чтобы понять умозрительность иных, никак не связанных с истинным азбучным строем подходов к происхождению и построению рунического письма, якобы талантливо изобретенного одним человеком или группой людей и затем видоизменявшегося (деградировавшего) из-за введения новых (ювенильных) рун в том или ином районе своего распространения. Не случайно

филологами было введено понятие излишних рунических знаков – реальное дублирование одной руной звукового значения другой невозможно понять без признания былой слоговой природы этой письменной системы.

Следует особо сказать, что орхонская письменность Второго Восточнотюркского каганата – самая молодая из зафиксированных рунологической наукой. Скорее всего, она была получена при реформировании того предшествующего письма, которое предложено именовать верхнеенисейским и которое сохранялось долее других в обществе чиков Тувинской котловины. Древнехакасская енисейская письменность также архаичнее орхонской.

Изучение строя рунической азбуки, данной нам в раннесредневековых записях Восточного Туркестана, – одно из тех перспективных направлений, которым последует рунология недавно начавшегося века.

Однако уже сегодня нельзя не заметить, что полученные в двух сферах новой рунической палеографии данные хорошо отвечают друг другу. Возводимый ещё к бронзовому веку строй алфавита дополняется редчайшим в истории культуры, но общеруническим способом размещения строк от нижней к верхней, также восходящим, насколько можно судить, к бронзовому веку. Позволю себе предположить, что проторуническая письменность сложилась в Западной Азии не позднее XI-X вв. до н.э. и по типу не принадлежала к тем египетско-семитским силлабариям, которым было суждено стать магистральным направлением в развитии письма человечества. Правостороннее письмо, особенности передачи губных гласных и стечения двух согласных, как и необъяснимая на тюркской почве парность соединения букв в азбуке заставляют думать, что руны зародились не в тюрко-, а в семитоязычной культурной среде.

Сегодня нельзя сказать, на каком этапе существования рунической письменности, где, когда и каким тюркоязычным народом она была заимствована. Но, судя по всему, это произошло без особых изменений строя письма. Нам до сих пор неизвестны памятники этой древней письменности, кроме поздних её проявлений – тюркоязычных надписей, начиная с VIII в. Не случись этого заимствования, не

расцвела на Саяно-Алтае и в Монголии раннесредневековой цивилизации тюркоязычных народов, не существой в ней эпиграфического, и шире говоря, камнеписного обряда и, вполне вероятно, руническая система письма, самобытно долгими веками развивавшаяся в стороне от основного направления истории письменности, сошла бы в небытиё незамеченной наукой.

Никто не знает, сколько письменных систем древности, применявшихся для записей на недолговечных материалах, постигла такая участь. Недаром современная наука не в силах постичь множество единичных эпиграфических находок, загадочность прочтения которых заключена в их непохожести на другие известные письмена.

3

Вполне понятно, что из рук эпиграфиста детально изученный и ставший достоверным рунический текст попадает в руки не только филолога, но и историка. Сегодня не стоит говорить о тех многочисленных ранее неведомых исторических фактах, которые почерпнули специалисты из нового для них источника – тюркоязычных надписей Азии, читаемых уже более столетия. Не надо быть экспертом-востоковедом, чтобы понять насколько обогатила науку возможность воспринимать средневековые общества Южной Сибири и Монголии изнутри, по их собственным уцелевшим свидетельствам, а не со стороны, следуя за летописями соседних или весьма далёких от Саяно-Алтая народов. Отметим лишь главное, изменившее основы научного знания.

Конец XIX века с расшифровкой рунических надписей принёс в европейскую науку осознание того, что тюркские народы в раннем средневековье обладали письменной культурой. Тем самым были отвергнуты представления о неразвитости и отсталости тюркоязычных обществ столь далекой поры. Правда, такие взгляды нередко проявляются в исторической литературе и поныне, но, уже по одному этому ясно, лишь у людей малосведущих, отставших от серьёзной науки, как видим, на целое столетие. Задумываясь об особенностях постижении истины, любопытно в связи с нашей темой отметить и другое. В новом для себя знании о культуре ранних тюркских

народов Европа XIX века лишь вернулась на уровень, занимаемый образованным западным обществом за тысячелетие до этого. Напомню, что, согласно изложенному в житии, борясь за признание церковниками изобретённой для славян письменности, братья Кирилл и Мефодий в 863 г. опирались на известный им факт существования письмен у тюркских народов: тюрков и хазар (а также авар, тюркоязычность которых пока не доказана).

Открытие ранней письменной культуры между тем наложило в науке на неизжитый шаблон восприятия тюркских народов как исконных кочевников. В XX в. для определения уровня этой письменной культуры в тюркологии широко распространилось высказывание С.Е. Малова о бродячих грамотеях, применённое в 1952 г., совсем по другому поводу – при обсуждении графических различий надписей. Вопрос этот также был разрешён к концу столетия енисейской эпиграфикой.

Среди наскальных надписей Алтая был выявлен и обнародован краткий текст, содержащий кредо настоящей интеллигенции, видящей своё предназначение в образованности и книжности (надпись Ялбак-Таш II). При привлечении иных данных, содержащихся в рунических надписях, было окончательно доказано существование в обществе тюркоязычных народов Азии уже к VIII в. особого профессионального сословия, живущего умственным трудом и обладавшего корпоративным самосознанием и этикой. Формула, избранная на берегах Чуи в IX-X вв. для выражения этого общественного статуса («Я написал пятью [пальцами], [на то] предназначенными»), сохранила давний профессиональный канон писцов Древнего Востока, отмеченный ещё в папирусах II тысячелетия до н.э.

У этого историко-культурного открытия есть и вполне ясные методические последствия, затрагивающие тюркскую филологию. Лингвистам теперь нельзя объяснять трудности в предлагаемых ими прочтениях неграмотностью писавших. Скорее, следует искать пробы в собственных знаниях о древних рунических текстах.

Сказанное не означает, что в надписях не встречается отклонений от в общем-то строгих норм грамотного письма рунами. Былое существование орфографических правил не вызывает сомнений. Одна-

ко енисейская эпиграфика показала, что даже тогда, когда есть формальные основания видеть в написании слов ошибки, дело обстоит не так просто. Оказалось, что в целом эти ошибки указывают не просто на плохое усвоение рунического правописания, а на определённые предшествующие знания обучавшихся. Эти знания мешали им овладеть нормами рунического письма в полной мере.

Систематизация разновидностей написания слов показала существование в енисейских рунических надписях трёх типов орфографии. Первый тип – классическое руническое правописание – отличается большинство надписей Саяно-Алтайского нагорья и целиком отвечает построению рунического письма. Второй, названный полногласной орфографией, узнается по обозначению всех гласных в слове, чего не требует руническое письмо само по себе. Третий, наиболее редкий, назван псевдорунической орфографией, поскольку не соблюдает главного правила рунического письма – различия букв для согласных в мягких и твёрдых слогах.

Природа и второго, и третьего типов написания коренится в одном явлении – к изучению рунического письма приступали люди уже грамотные, умеющие писать какой-то иной, нерунической, письменностью. Они невольно приносили в руническое письмо те посторонние для него правила, которые накрепко усвоили при получении первого своего образования.

Для возникновения полногласного написания удалось найти точную первопричину – это орфография сирийского манихейского письма, распространявшегося в Азии вместе с проникновением манихейской религии. Выдвинутое при исследовании енисейских надписей такое предположение подтвердилось при изучении рукописей орхонского письма, найденных в Восточном Туркестане в руинах манихейских поселений. Их рунические тексты также выполнены в традиции полногласной орфографии.

Начальные знания какого письма привели к появлению рунических надписей третьего типа – точно указать пока нельзя. Но вполне очевидно, что оно принадлежало к алфавитному типу. Неслучайно такого же рода ошибки в рунических написаниях делает сегодня интеллигенция коренных народов Саяно-Алтая, когда от привычной с

детства кириллицы обращается к письму предков для придания национального колорита оформлению газет, афиш, телевизионных заставок или иного.

Так, самым неожиданным образом, исследование ошибок в рунических надписях показало не столько неграмотность предков, сколько их многограмотность – владение одним человеком несколькими системами различного письма, из которых руническое изучалось им не в первую очередь.

Дублирование рунической азбуки манихейскими буквами, отмеченное упоминавшейся рукописью из долины Тойока, прямо указывает на изучение рунического письма манихеями. Это делалось миссионерами для распространения новой веры среди тюркских народов и указывает на давнее к середине VIII в. укоренение рунической письменности в местном обществе. После обнаружения и раскопок Л.Р. Кызласовым в Хакасии серии храмов VIII-XII вв. и объяснения их планов (через описанную средневековыми арабскими авторами манихейскую архитектурную символику) стало очевидно, что Древнехакасское государство уже в VIII в. сделалось в Сибири центром этой религии. Вслед за этим в Хакасии, Туве и на Алтае удалось выделить 42 енисейских надписи манихейского содержания: 38 молитвенных наскальных и 4 эпитафийных (в одной из них, из Суджи (Е 47), употребление манихейского термина отмечалось ещё В. Томсеном).

Ныне открытие манихейства в Южной Сибири стоит на четырёх «китах»: раскопанных в Хакасии манихейских храмах второй трети VIII-конца XII вв., признанном факте применения из мировых религий лишь манихеями местного рунического письма; выявленных енисейских надписях манихейского содержания да обнаружении в рунических памятниках Саяно-Алтая новых правил орфографии, привнесенных из манихейского правописания.

Установление манихейства в качестве официальной религии Древнехакасского государства – крупнейшей и исторически наиболее стойкой державы, в течение нескольких столетий объединявшей предков многих сибирских народов – произвело в 60-е гг. VIII в. целую культурную революцию. Достаточно сказать, что манихейская

доктрина, одна из наиболее энциклопедических мировоззренческих систем Востока, несла с собою культ книги и знаний, требование широкой грамотности населения, использование в культе национальных языков вновь обращённых народов. Возникнувшая в Двуречье в III в. н.э., эта религия вместе с именем своего основателя Мани принесла в Сибирь и написанные им священные книги. Вдумаемся: человек на Абакане в каком-нибудь IX в. читал о событиях, происходивших на Евфрате за шесть веков до этого! Или переводил книгу об этом с персидского, согдийского или иного языка на родную речь. Вот какими стали границы образованности предков за 1200 лет до наших дней. И такая насыщенная духовная жизнь продолжалась в Южной Сибири не менее 6 столетий.

Принятие манихейства вызвало взрыв местной грамотности – вот почему енисейских рунических надписей позднее VIII в. нам известно так много, а более ранних – нет.

Однако для раскрытия темы сегодняшнего доклада следует прежде всего подчеркнуть другое. Осознание культурного расцвета, наступившего с приходом на Енисей манихейства, кардинальным образом изменяет и еще в большей степени изменит восприятие научкой средневековой истории Саяно-Алтайского нагорья и енисейских рунических надписей.

Рунологии XXI в. предстоит разобраться в том, какие рунические тексты принадлежат к манихейскому периоду местной истории культуры, а какие к предшествующей, так сказать языческой стадии развития Южной Сибири. Каждая из этих ступеней имела отличающуюся друг от друга духовную жизнь и не учитывать этого в исторических и филологических изысканиях отныне невозможно. Следует понять и исследовать те обряды обоих обозначенных этапов, которые требовали применения письма. В отношении доманихейской стадии эти обряды, вероятнее всего, укажут нам на ту мировоззренческую среду, с которой был прямо связан загадочный процесс древнего внедрения и вековечного сохранения рунической письменности тюркоязычных народов.

Манихейство было распространено от Испании до Китая и насчитывает по крайней мере 11 веков активной жизни. Предстоит понять

уникальный исторический феномен: за всё это время и во всём обитаемом мире только два государства (тюркоязычные Уйгурский и Древнехакасский каганаты) приняли его в качестве своей официальной идеологии. Что отличало народы этих двух стран? Какие особенности их духовной жизни нашли наибольшее соответствие и развитие в манихейской философии? Нам не понять этого без скрупулёзного исследования оставленных в наших степях и горах рунических надписей предков.

Перед тюркской рунологией теперь также стоит задача – по оригинальным текстам определить место сибирского манихейства в общей картине этого мировоззрения. Наука до сих пор различала две основных разновидности – западное и восточное манихейство, во многом окрашенные соответственно христианскими или буддийскими чертами. В енисейских рунических надписях встречаются слова, заимствованные из сирийского, иранского, согдийского языков, из санскрита и китайского. Теперь нам понятно, что источником такого заимствования послужило изучение религиозных и естественнонаучных книг на всех этих языках. Но предстоит узнать, какие идеи и знания – Западной или Восточной Азии – находили наибольший отклик в южносибирском обществе.

Хорошо понимаю, что мне не удалось сегодня перечислить все главные перспективы, которые открываются ныне перед специалистами, изучающими рунические тюркоязычные надписи. Ещё в большей степени осознаю невозможность предугадать те направления учёного поиска, которые откроются уже завтра. На пороге нового века почти трёхсотлетнее исследование рунических надписей, воспринимавшееся и существовавшее как часть филологии, переросло в самостоятельную историко-филологическую науку – *тюркскую рунологию*. В применении к азиатским руническим письмам эта наука включает в себя *енисейскую* и *орхонскую эпиграфику*, а также *орхонскую археографию*. Внутри названных дисциплин находятся увязанные с историей отдельных рунических алфавитов *енисейская палеография* и *орхонская палеография*, обобщение данных которых проводится в *тюркской рунической палеографии* – неотъемлемой части тюркской рунологии.

280 лет назад Хакасия подарила учёному миру новый источник исследований, перевернувший былые представления о культурной истории Евразии. Хакасия и ныне имеет важнейшее преимущество в области тюркской рунологии – на ее земле до сих пор существуют подлинники древней письменности тюркских народов. Следует ясно осознавать, что мировая наука, направленная на постижение ранних периодов жизни тюркских народов, напрямую зависит от развития рунологии в России, прежде всего – в республиках Саяно-Алтайского нагорья: в Хакасии, в Туве, на Алтае.

В этом развитии непреходящее значение имеет не только аналитическое освоение известного, но и вполне оправданные поиски и исследования новых письменных памятников. Вполне понятна и здесь особая роль российской науки.

Развитие в этой области шло неравномерно. Специальные поисковые экспедиции были впервые предприняты лишь в конце XIX в. и связаны с именами проф. И.Р. Аспелина, академика В.В. Радлова и сибирских исследователей (прежде всего Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца и А.В. Адрианова). Новый целенаправленный поиск пришелся на конец 40-х-начало 60-х гг. XX вв. Его проводили москвичи – проф. С.В. Киселёв, Д.А. Евтюхова и Л.Р. Кызласов. В 60-80-е гг. специальные полевые работы в этой области проводили ленинградцы Я.А. Шер и С.Г. Кляшторный, а в Хакасии – минусинец Н.В. Леонтьев и абаканцы В.Ф. Капелько и Э.А. Савостьянова, на Алтае же – новосибиржец В.Д. Кубарев. В наши дни систематически и планомерно ищет и изучает рунические надписи единственное научное учреждение России – Хакасская археологическая экспедиция Министерства образования и науки Республики Хакасия, которую я здесь представляю. Следовательно, и в этом деле Хакасия сегодня имеет преимущество, которое следует осознавать и наращивать.

Ни один тюркский народ не сохранил рунического письма. Но хакасы, тувинцы и алтайцы веками хранили на своей земле памятники этой письменности, осознавая свою прямую связь со славными предками. Знакомство европейской науки с этими сбережёнными памятниками принесло западным народам откровение: была осмыс-

лена древняя цивилизованность их тюркоязычных соседей. Понимание этого всегда было особенно важно и остаётся особенно важно для России. Следует помнить и чтить тот наиважнейший вклад, который внесло в такое осознание российское востоковедение. Необходимо помнить и чтить также, что возможность вернуть древнюю письменную культуру в сокровищницу своих подлинных достижений тюркским народам прежде всего также принесла российская наука. Включение древних духовных ценностей в мировое наследие во многом осуществляется ныне самими тюркскими народами благодаря вхождению в европейскую науку.

Вот уже 280 лет история рунологической науки являет нам пример подлинного взаимного духовного обогащения народов Евразии. В этом и состоит назначение науки.

Основная литература

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – М., 1983.

Кляшторный С.Г. Терхинская надпись // Советская тюркология, 1980, № 3.

Кляшторный С.Г. Надпись уйгурского Бёлю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М., 1992..

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск, 1978.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпиграфы. Тексты и исследования. – М., 1997.

Кызласов И. Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. Рассказы археолога. – М., 1994.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994.

Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia, t.L, fasc. 1-3. Budapest, 1997.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II, III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998, №№ 1 и 2.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология, 1999, № 4.

Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. – М., 1999.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960, № 3.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965, № 3.

Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. – М., 1962.

Кызласов Л.Р. В Сибири неведомую за письменами таинственными // Путешествия в древность. – М., 1983.

Кызласов Л.Р. В Сибири неведомую за письменами таинственными. / Сб. статей (Труды Хакасской археологической экспедиции. 5. Страницы истории и современность, вып. 3). – Абакан, 1998.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История. – 1998, № 3.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Университетская библиотека Хакасской археологической экспедиции. Манихейский семинар. Вып. 1. Открытие государственной религии древних хакасов. – Абакан, 1999.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV вв.) // Российская археология, 1994, № 1.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л., 1952.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959.

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Вып. 1-4. – СПб., 1892-1899.

Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 1-4. – СПб., 1892-1897.

Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. – СПб., 2001.

Inscriptions de l'énisseï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.

Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lfg. 1-3. SPb., 1894-1895.

Содержание

Приветственное слово Председателя Правительства Республики Хакасия А.И. Лебеда _____	3
Итоги 280-летнего изучения и новые задачи исследования памятников древнетюркской рунической письменности <i>И.Л. Кызласов</i> _____	7
Раздел I. «Памятники древнетюркской письменности»	33
О значении енисейских рунических надписей <i>И.В. Кормушин</i> _____	
К истории исследования Хакасско-Минусинского края (XVIII-XX вв.) <i>В.Н. Тузужеева</i> _____	40
К проблеме публикации памятников орхоно-енисейской письменности под эгидой ТЮРКСОЙя <i>З.Б. Самдан</i> _____	47
Космология тюркоязычных народов в памятниках древнетюркской письменности <i>Э.Б. Мижит</i> _____	52
Раздел II. «История и культура народов Саяно-Алтая в контексте современности»	59
Наскальные рисунки как памятники протописьменности <i>И.К. Кидиекова</i> _____	
Некоторые психологические аспекты в традиционном мировоззрении хакасов <i>В.С. Топов</i> _____	62
Нравственные ценности в духовном наследии кочевых цивилизаций Саяно-Алтая и современность <i>В.Р. Фельдман</i> _____	66
Роль национальных религий в этнокультурном развитии народов Саяно- Алтая <i>Н.В. Абаев</i> _____	71
Раздел III. «Проблемы сохранения и развития языков народов Сая- но-Алтая»	77
Научное обеспечение проблем сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая <i>С.П. Ултурганцев</i> _____	77
Памятники древнетюркской рунической письменности в собрании ми- нусинского музея им. Мартьянова <i>Н.В. Леонтьев</i> _____	85
Функционирование хакасского языка в сфере образования <i>Н.А. Толмачова</i> _____	88
Раздел IV. «Вопросы развития национальных литератур народов Саяно-Алтая»	91
Тема советника в древнетюркской надписи и хакасском алыптых ныма- хе (Тоньюкук и Ай-Хуучин) <i>В.Е. Майногашева</i> _____	
Древнетюркские истоки поэтической формы «ожук дажы» <i>Л.С. Мижит</i> _____	101
«Белые пятна» в судьбе поэта Сергея Пюрбю <i>В. Салчак</i> _____	107
Лирический мир и его эстетическое воплощение в поэзии А. Кыштымо- ва <i>А.Л. Кошелева</i> _____	116
Рекомендации Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности _____	123